DOI: 10.26907/2074-0239-2019-57-3-192-197
УДК 82'311.4

ОБРАЗ ТЕРРОРИСТА В РОМАНЕ ДЖ. АПДАЙКА «ТЕРРОРИСТ»

© Ольга Шалагина, Ольга Карасик

THE IMAGE OF THE TERRORIST IN THE NOVEL “TERRORIST” BY J. UPDIKE

Olga Shalagina, Olga Karasik

The terrorist attack on the towers of the World Trade Center, committed on September 11, 2001, caused the formation of new fiction thematic group defined by a common term – literature 9/11. The novel “Terrorist” by J. Updike is one of the first works that presents the tragic events not only from the victim side, but also from the terrorist’s point of view. This article analyses the image of the main character as an example of archetypical mythologeme “The Other” in modern western culture. The article reveals the impact of inner and outer conflicts and experience of loss on the development of the character’s personality traits, which are later used in the psychological manipulations of terror recruitment. The analysis touches on the symbolic nature of terrorism in terms of postmodern philosophical concepts and explores the religious polemic concerning terrorist suicide that the main character and the terror recruiters are engaged in. The characters of the novel are divided into two opposite parties of radical Islamic terrorists and natives of western culture, in other words, into “We” and “Not We” groups. Based on this confrontation, the article considers the way Updike describes the weaknesses of the modern anti-terrorism warfare system.

Keywords: J. Updike, literature 9/11, American literature, terrorism, image of the Other.

Террористическая атака, совершенная на башни Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 года, положила начало формированию новой тематической группы художественных произведений с общим названием – литература 9/11. Одним из первых произведений, поднимающих проблему мирового терроризма не только с точки зрения жертвы, но и с точки зрения участника организации теракта, стал роман Дж. Апдайка «Террорист». В статье представлен анализ образа главного героя романа как примера архетипической мифологемы «Другой» в современной западной культуре. Раскрывается влияние внутренних и внешних конфликтов, а также перенесенной утраты на формирование черт личности героя, которые используются для психологических манипуляций в ходе дальнейшей вербовки персонажа. В ходе анализа затрагиваются поднятые писателем вопросы символической природы терроризма с точки зрения философских концепций постмодернизма, а также исследуется религиозная полемика на тему террористического самоубийства, разворачивающаяся между главным героем и его вербовщиками. Герои романа делятся на две оппозиционные стороны – приверженцы мировоззрения радикального исламизма и носители ценностей западной культуры, «Свои» и «Чужие», на примере их противостояния в статье рассматривается данное Дж. Апдайком описание ошибок современной системы борьбы с террористической угрозой.

Ключевые слова: Дж. Апдайк, литература 9/11, американская литература, терроризм, образ Другого.

Трагические события, произошедшие в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, привели к возникновению коллективной психологической травмы и объединили все американское общество вокруг переживания этой катастрофы. Последствия террористической атаки на башни-близнецы возвели ее в разряд культурно-исторической трагедии американского народа. Современные американские писатели, среди которых был и Дж. Апдайк, находившийся в эти дни в Нью-Йорке, стали не-

вольными свидетелями катастрофы, и она не могла не отразиться на их творчестве.

Впервые тема терроризма в творчестве Дж. Апдайка была затронута еще в романе «Переворот» («The Coup», 1978), а затем получила развитие в эссе «11 сентября» («September 11», 2001) и рассказе «Многообразие религиозного опыта» («Varieties of Religious Experience», 2002) [Салов, с. 245]. Через 5 лет после трагедии ВТЦ Дж. Апдайк опубликовал роман «Террорист» («Terrorist», 2006), где предпринял попытку ис-

следования нравственного и духовного пути террориста-смертника.

Историк литературы Я. В. Погребная говорит о необходимости выбора новой тактики борьбы с мировым терроризмом, основанной не на силовом подавлении очагов террористической угрозы, а на уничтожении «питательной среды» террористов, для чего требуется понимание особенностей формирования психологии радикальных мусульман [Погребная, с. 154]. Американский культуролог Г. Ч. Спивак также призывает выйти за рамки собственных культурных травм и попытаться понять оппонента. Именно попытки найти смысл в террористическом суициде, по ее мнению, смогут положить ему конец в долгосрочной перспективе [Спивак, с. 882]. Французский философ-постмодернист Ж. Бодрийяр в сборнике эссе «Дух терроризма» высказывает подобные суждения: «Небывалый успех терактов представляет проблему, и, чтобы разобраться в этом, нужно отбросить наши западные воззрения и увидеть, что происходит в головах террористов и в их организации» [Бодрийяр, с. 109–110].

Основы идеологии современного терроризма базируются на бинарном архетипе коллективного бессознательного «свой – чужой». Внутреннее неприятие окружающего мира, ощущение себя вечным «другим» дополняет комплекс причин, которые ведут главного героя к решению совершить террористическое самоубийство.

Ахмад Маллой – восемнадцатилетний школьник, сын ирландской американки и египтянина. Своего отца Ахмад вспоминает с трудом: мальчику было всего три года, когда отец исчез из его жизни. С матерью у Ахмада складываются недостаточно близкие отношения, они заботятся друг о друге, но совсем не делятся тем, что каждого из них волнует на самом деле.

В романе Дж. Апдайка мусульманин Ахмад и окружающий его мир современной Америки составляют бинарную оппозицию. Среди своих сверстников Ахмад чувствует себя чужим. Он намеренно не носит ни синюю, ни красную одежду, как его одноклассники, а предпочитает только белые рубашки в знак того, что не принадлежит ни к одной из групп. Ахмад плохо скрывает свое мысленное превосходство над окружающими, как молодыми людьми, так и учителями: для него *они – рабы картинок, лгущих о счастье и богатстве* [Апдайк, 2009]. В интервью журналу «Шпигель» Дж. Апдайк признается, что Ахмаду Маллой «потому и нравится ислам, что собственное окружение представляется ему лишенным веры и всего святого»: «Перед его глазами – всеобщее разложение, разочарование и застой. На этом фоне ислам кажется ему альтернативой – энергичной,

строгой, требовательной, убедительной и способной направлять людей» [Апдайк, 2006].

Однако не только Ахмад относится к окружающим с презрением, эта неприязнь взаимна: после теракта 11 сентября в американском обществе поднялась волна ненависти к мусульманам. Мать Ахмада рассказывает представителю школьной администрации Джеку Леви о том, как ее семья пострадала от агрессии враждебно настроенных незнакомцев:

Мы получали звонки, полные такой ненависти. Против мусульман. Я сменила номер <...> [Апдайк, 2009].

Так общество само отвергает Ахмада из-за его религии и цвета кожи.

Психолог М. М. Решетников отмечает, что террористами нередко становятся граждане того государства, которое является мишенью атаки. Так, несмотря на неприятие «порочной и глупой» популярной и «разнузданной крикливой» религиозной культуры американцев, Ахмад не иностранец; он признается школьному воспитателю Джеку Леви, что никогда не бывал за границей. В своей книге «Психическая травма» М. М. Решетников объясняет, почему и в какой момент юный террорист становится готов навести прицел на своих соотечественников. Одним из этапов естественного процесса взросления является подростковая переоценка ценностей, заложенных родителями. Ахмад впервые попадает в мечеть как раз в возрасте одиннадцати лет, в самом начале подростковой сепарации. *Я в этом возрасте объявил, что прекращаю заниматься скрипкой. Бросил вызов родителям*, – так мистер Леви комментирует вовлечение Ахмада в Ислам [Там же]. При достаточно стабильной позиции «взрослого большинства» подросток переживает возрастной кризис и затем становится в ряды достойных членов общества. Однако на современном этапе весь цивилизованный мир находится в ситуации быстрой смены парадигмы развития, поэтому родительская позиция оказывается далеко не такой твердой и обоснованной, как раньше [Решетников, с. 361–362].

В «Террористе» Дж. Апдайка старшее поколение действительно отстраняется от молодежи. Авторская позиция выражается в размышлениях Джека Леви:

<...> восемьдесят лет тому назад <...> наставничеством занимались все – любящие родители в семье и моралистическая популярная культура вне ее, да еще всякие советы со стороны. Ребенку внушалось куда больше, чем он мог переварить. А теперь к Дже-

ку Леви, как правило, приходят дети, у которых словно нет родителей во плоти <...> [Апдайк, 2009].

Отсутствие отца тяготит Ахмада, ему не хватает наставника, он мечтает однажды найти отца и *поговорить с ним, как говорили бы двое мусульман* [Там же]. Более того, достигнув совершеннолетия Ахмад планирует отказаться от фамилии матери и взять фамилию исчезнувшего отца. Это желание Ахмада подчеркивает, что он идентифицирует себя скорее египтянином, чем американцем. М. М. Решетников говорит о принятии любым человеком «родового мифа», согласно которому собственный народ не может быть плохим [Решетников, с. 363–364]. Особенности идентификации Ахмада относят его в группу риска, как молодого человека, чьи предки являются представителями той же культуры, нации или религии, что и террористы-вербовщики.

Снова и снова Ахмад пытается заполнить пустующее место в своей душе:

Был отец, который исчез, прежде чем мог запечатлеться в памяти, потом Чарли (вербовщик. – О. Ш., О. К.) – такой дружелюбный и показывавший ему дороги, а теперь этот усталый еврей (школьный воспитатель мистер Леви. – О. Ш., О. К.), который выглядел так, словно одевался в темноте, занял их место, – пустующее место рядом с ним [Апдайк, 2009].

Мать Ахмада так объясняет интерес сына к Исламу:

<...> наверно, мальчику нужен отец, и если у него отца нет, он его выдумывает [Там же].

В результате Аллах становится *невидимым, но ощутимым компаньоном* Ахмада. *Он во мне и рядом со мной*, – делится Ахмад своим восприятием Бога [Там же].

Именно мотив лишения обрамляет композицию романа. Произведение Дж. Апдайка начинается со слов: *Эти дьяволы стараются отнять у меня моего Бога*, – и заканчивается аналогично: *Эти дьяволы*, – думает Ахмад, – *отняли у меня Бога* [Там же]. Словенский философ С. Жижек утверждает, что идентичность формируется с помощью мифов о «наслаждении»: «Наслаждение – это то, чего нация (была) лишена ее врагами» [Жижек, с. 24]. Однако, как отмечает С. Ушакин [Ушакин], по С. Жижеку, идея отсутствия первична: на самом деле сообщество никогда не обладало «наслаждением». Преобразование «отсутствия» в «потерю» ведет к поиску ложных носителей вины, к потребности отмщения тому «другому», который символически лишает нас отсутствующего объекта. [LaCarga, с. 707]. Так,

террористы-вербовщики прибегают к манипуляции лишением, повторяя Ахмаду:

<...> западные державы крадут нашу нефть, отнимают у нас землю», «они отбирают у мусульман их традиции и самосознание, способность гордиться собой, на что имеют право все люди [Апдайк, 2009].

Ахмада терзают сомнения, в которых он никому не осмеливается признаться. Ему кажется, что Аллах должен *проявлять милосердие, а не злорадствовать* [Там же], он видит Бога не воинственно-разрушителем, а прекрасным творцом. Ахмад страдает от внутреннего противоречия: с одной стороны, он пытается принять позицию шейха Рашида относительно того, что неверных нужно уничтожать, а с другой – признается, что не может ненавидеть людей, ведь у *Джорилин, хоть она и неверная, есть чувства* [Там же]. В глубине души Ахмад – добрый и чувствительный, он любит красоту окружающего мира, страдает животным и людям. Неприятие смерти прослеживается, например, в эпизоде, где Ахмад отказывается убивать жука, понимая, что это не доставит ему удовольствия:

Многие парни <...> просто раздавили бы ногой это раздражающее существо, но для Ахмада это не выход <...> [Там же].

В разговоре с вербовщиком Чарли, Ахмад признается, что ему было жалко людей, прыгающих из башен 11 сентября. Он пытается сохранить веру в милосердие Аллаха и убедить себя в том, что *Джихад вовсе не означает войны* <...> *Джихад может означать внутреннюю борьбу* [Там же].

Однако вербовщик Чарли предлагает иную трактовку джихада:

Эти люди работали в финансовой сфере в интересах американской империи – империи, которая поддерживает Израиль и каждый день несет смерть палестинцам, чеченцам, афганцам и иракцам. На войне надо сдерживать жалость [Там же].

В произведении Дж. Апдайка Чарли высказывает мысль Тимоти Маквея, организатора теракта в Оклахома-Сити в 1995 году: «Думайте о людях как о штурмовиках из „Звёздных войн“. Поодиночке они могут быть невинны, но они виновны в том, что работают на Империю Зла» [Michel, с. 166].

Несмотря на любовь к жизни, Ахмад готов принять смерть. Он понимает, что поддается манипуляции, что он – лишь один из многих, кого, по словам Джорилин, *откармливают*, но продолжает верить, что воинствующие мусульмане

– это орудия, необходимые Аллаху. С одной стороны, Ахмад рад быть *инструментом Господа*, он надеется, что внесет важный вклад в сражение с неверными, готовится попасть в Рай и видит себя верхом на крылатом белом коне Ислама, а с другой – предчувствует, что его смерть будет *малозначимой и окончательной* [Апдайк, 2009].

Попадая в комнату, где ему предстоит провести ночь перед терактом, Ахмад убеждается в том, что у него было множество предшественников на этом пути:

Предшествующие обитатели оставили в маленькой комнате несколько следов своего пребывания [Там же].

Однако эти следы ничего не говорят о личности людей, пребывавших в этих стенах ранее. Ахмад тоже рад остаться анонимным: уходя, он забирает с собой все свои вещи, хотя и знает, что больше они ему не понадобятся. Собираясь в последний путь, Ахмад пытается игнорировать свои чувства и закрыть глаза на все человеческое внутри, он дает себе наставления:

<...> ты – инструмент Господа, холодный, и твердый, и решительный, и бездумный, каким и должен быть инструмент [Там же].

Согласно Ж. Бодрийяру, основной ценностью западного общества сегодня является «исключение смерти». Мы вычеркнули смерть из своей культуры, сделав новым идеалом гуманистически ориентированного мира «нулевую смерть» [Бодрийяр, с. 105–106]. В рамках современной культурной парадигмы причинение смерти является самым тяжким преступлением, а сама смерть – самой крайней карательной мерой.

В своей книге «Силы ужаса: эссе об отвращении» французский философ Ю. Кристева рассуждает о категории смерти в нашей культуре. По ее убеждению, наиболее яркое чувство омерзения вызывает то, что ассоциативно связано со смертью: раны, отбросы. Лишенные жизни объекты высвечивают ту грань, за которую инстинктивно никто не хочет попасть. Самым отвратительным из отбросов является человеческий труп: он больше не в состоянии выделять и отторгать, он сам является отторгнутым, он и есть «та граница, которая собой все заполнила». Ю. Кристева так описывает результат умирания: «сама граница стала объектом» [Кристева, с. 86].

Однако терроризм выходит далеко за рамки западных ценностей. Основным оружием террористов становится их собственная смерть. В доказательство этого суждения Ж. Бодрийяр приводит следующую цитату из заявления Аль-

Каиды (организации, признанной террористической в России и др. странах) от 10 октября 2001 года: «Что нам американские бомбардировки! Наши люди столь же жаждут умереть, как американцы жаждут жить!» [Бодрийяр, с. 105–106]. Террористы-смертники воюют против западной цивилизации теми методами, на которые миру, где жизнь является главной ценностью, нечего возразить, поскольку террористы «делают ставку на собственную смерть» [Там же, с. 108]. *Неверные не умеют умирать*, – говорит Ахмад вербовщику Чарли, видя в собственном бесстрашии перед смертью преимущество радикальных мусульман [Апдайк, 2009].

«Соппротивление через суицид – это послание, вписанное в тело, когда все другие средства уже бессильны. Это одновременно и казнь, и траур – по себе и по другим», – пишет Г. Ч. Спивак [Спивак, с. 882]. В случае террористического самоубийства смерть агрессора и смерть жертвы подчиняются одной и той же цели.

Вопреки расхожему мнению об альтруизме террористического суицида, для радикальных мусульман такой поступок, скорее, корыстен и все же сулит личную выгоду. На встречный вопрос Чарли о том, кто умеет умирать, Ахмад отвечает: *Верующие*, – и тут же поясняет их мотивацию, – *они знают, что Рай ждет правоверных* [Апдайк, 2009]. Действительно, сам Ахмад искренне желает попасть в Рай, он ясно представляет себе свою жизнь после смерти, в которую ворвется, словно пророк, на крылатом белом коне Бураке, и не готов смириться с тем, что Рай может быть просто метафорой блаженства. Ж. Бодрийяр не находит в идее террористического самоубийства ничего возвышенного и героического: «То есть террористы снова борются не на равных, поскольку они получают право на спасение <...> Нам остается лишь носить траур по нашей смерти, тогда как они могут сделать из своей очень крупную ставку» [Бодрийяр, с. 112].

За рулем начиненного взрывчаткой грузовика по дороге к самому уязвимому месту туннеля Ахмад еще силен в своей вере. Школьный наставник Джек Леви пытается предотвратить теракт, он садится в грузовик и убеждает Ахмада в отсутствии необходимости взрывать туннель, так как одни члены террористической группировки арестованы и убиты, а другие пустились в бег. Указывая Ахмаду на бесполезность самоубийства как главного террористического оружия против западной цивилизации, мистер Леви заявляет, что давно готов к смерти, но Ахмад непреклонен.

Кроме того, Джек Леви старается понять террориста, он переносит Ахмада из позиции «чу-

жого» в позицию «своего» и готовится принять общую гибель, говоря Ахмаду: *В этом деле, сынок, мы с тобой вместе* [Апдайк, 2009]. Готовясь совершить террористический суицид, Ахмад не испытывает абсолютной ненависти: напротив, в разговоре со своим школьным воспитателем он находит причины назвать мусульман и евреев *братьями* [Там же]. *Лихо ты слепил «нас», Ахмад*, – поражается в ответ его школьный наставник [Там же].

Решающую роль в отказе от приведения взрывного устройства в действие играет не разговор с мистером Леви, а собственные размышления Ахмада. Он вспоминает строки Корана и приходит к пониманию, что *Господь не хочет уничтожать – ведь это Он создал мир*, что *Он не хочет, чтобы мы осквернили Его Творение, желая смерти. Он желает жизни* [Там же]. Так, милосердие Ахмада позволяет ему интерпретировать Ислам как религию мира и добра.

Американское правительство в романе Дж. Апдайка представлено министром внутренних дел Хаффенреффером и его помощницей Эрмионной. В их диалогах прослеживается отношение властей США к «другому». Они не понимают и не желают понимать мотивы совершения террористического суицида, их не интересуют террористы-смертники как личности, не волнуют причины, по которым молодые мусульмане поддаются вербовке; напротив, они испытывают к «Другим» пренебрежение на грани брезгливости:

Странная штука – язык: он делает их почему-то слабоумными. Возьми их болтовню по Интернету: «Небеса разорвутся в клочья ниже Западной реки. И прольется свет». Что – черт побери! – это значит? [Там же].

По мнению С. Жижек, современная толерантность к «Другим» дополнена страхом перед навязчивой активностью «Другого», боязнью того, что «этот Другой» «настоящим Другим» [Жижек, с. 82]. То есть толерантность на самом деле заключается в отчуждении, в том, чтобы свести взаимодействие с «Другим» к минимуму.

Несмотря на то что Ахмад – гражданин Америки, по эту сторону культурной границы он представляется непонятым «чужим», носителем абсолютного зла. В трактовке Ю. Кристевой внешний, чужеродный, враждебный «другой» всегда является отвратительным [Кристева, с. 362–408]. Так, на вопросы министра, искренне не понимающего, как кто-то может желать разрушить эту страну и за что можно ненавидеть американцев, Эрмиона отвечает:

Они ненавидят свет <...> Как тараканы. Как летучие мыши. «Свет загорелся во тьме, <...> и тьма его не восприняла» [Апдайк, 2009].

По мнению Ж. Бодрийяра, цель терроризма заключается в том, чтобы лишить западное общество чувства безопасности, поместить его в условия апотропии с бесконечной симулятивной угрозой террористической атаки [Бодрийяр, с. 152–153]. Так, в телефонном разговоре со своей сестрой Эрмиона признается, что не только народ, но и члены правительства напуганы невидимым врагом до предела: *Никогда большие мы не сможем быть счастливы – мы, американцы* [Апдайк, 2009], а значит, несмотря на благополучный финал, глобально у Дж. Апдайка террористы все же берут верх в этой неявной войне.

Сам Дж. Апдайк называет своего героя «жертвой», который заполняет исламом внутреннюю пустоту. Говоря словами Г. Ч. Спивак, в романе «Террорист» писатель предлагает «слушать другого как себя – не карая и не милуя» [Спивак, с. 867] и перестать делить мир на своих и чужих. Как пишет С. Жижек, «другой» остается по-настоящему «другим» только до погружения в его личный опыт и переживания, ведь «враг – это тот, чью историю ты слушать не обязан» [Жижек, с. 90]. «Нам надо, несмотря ни на что, научиться жить вместе на этой земле, – говорит Дж. Апдайк в своем интервью, – и уже по этой причине мой террорист – человек, которого можно любить» [Апдайк, 2006].

Таким образом, в романе «Террорист» Дж. Апдайку удалось создать достоверный образ потенциального террориста-смертника и представить реалистичную картину борьбы с современным джихадом. С помощью образа Ахмада Маллой Дж. Апдайк сформировал особый взгляд на проблему вербовки террористов-смертников и предложил читателям взглянуть на существующую стратегию борьбы с мировым терроризмом под другим углом. Убедительное изображение картины мира религиозных фанатиков-исламистов, вскрытие недостатков системы подавления очагов террористической угрозы, а также подробная иллюстрация религиозно-философского рассуждения, опровергающего установку необходимости совершения террористического суицида главным героем, позволяет поставить роман «Террорист» в ряд наиболее социально значимых произведений американской литературы 9/11.

Список литературы

Апдайк Дж. Террорист. М.: АСТ, 2009. URL: <https://itexts.net/avtor-dzhon-apdayk/159018-terrorist->

dzhon-apdayk/read/page-1.html (дата обращения: 29.04.2019).

Апдайк Дж. Это носится в воздухе // Profile.ru: Профиль – еженедельный журнал. 28.08.2006. URL: <https://profile.ru/main/eto-nositsya-v-vozduhe-115159> (дата обращения: 29.04.2019).

Бодрийяр Ж. Дух терроризма // Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: РИПОЛ Классик, 2016. С. 95–188 с.

Жижек С. О насилии / пер. с англ. А. Смирнова, Е. Ляминой. М.: Европа, 2010. С. 24–90 с.

Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении / пер. с фр. А. Костиковой. Ред. пер. З. Баблюян, М. Жеребкин. СПб.: Алетейя, 2003. 256 с.

Погребная Я. В. Роман Дж. Апдайка «Террорист» как социально-значимое произведение // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1. С. 153–162 с.

Решетников М. М. Психическая травма. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006. С. 361–364 с.

Салов А. И. Предпосылки обращения Дж. Апдайка к теме терроризма // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 245–250 с.

Спивак Г. Ч. Террор: речь после 9–11 // Травма: пункты: Сборник статей / под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 864–900 с.

Ушакин С. Нам этой болью дышать? О травме, памяти и сообществах // Там же. С. 5–41 с.

LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // Critical Inquiry, Vol. 25, No. 4. 1999. P. 696–727.

Michel L. American Terrorist: Timothy McVeigh and the Oklahoma City Bombing. NY: Harper, 2001. 166 p.

References

Apdaik, Dzh. *Eto nositsia v vozduke* [Das liegt doch in der Luft]. Profile.ru: Profil' – ezhenedel'nyi zhurnal. 28.08.2006. URL: <https://profile.ru/main/eto-nositsya-v-vozduhe-115159> (accessed: 29.04.2019). (In Russian)

Apdaik, Dzh. (2009). *Terrorist* [Terrorist]. Moscow, AST. URL: <https://itexts.net/avtor-dzhon-apdayk/159018-terrorist-dzhon-apdayk/read/page-1.html> (accessed: 29.04.2019). (In Russian)

Bodriiir, Zh. (2016). *Dukh terrorizma* [The Spirit of Terrorism]. Voiny v zalive ne bylo, per. s fr. A. Kachalova. Moscow, RIPOL Klassik, pp. 95–188. (In Russian)

Kristeva, Iu. (2003). *Sily uzhasa: esse ob otvrashchenii* [The Forces of Terror: An Essay on Disgust]. Per. s fr. A. Kostikovi. Red. per. Z. Babloian, M. Zherebkin. 256 p. St. Petersburg, Aleteia. (In Russian)

LaCapra, D. (1999). *Trauma, Absence, Loss*. Critical Inquiry, Vol. 25, No. 4, pp. 696–727. (In English)

Michel, L. (2001). *American Terrorist: Timothy McVeigh and the Oklahoma City Bombing*. 166 p. NY, Harper. (In English)

Pogrebnaia, Ia. V. (2016). *Roman Dzh. Apdaika "Terrorist" kak sotsial'no-znachimoe proizvedenie* [J. Updike's Novel "Terrorist" as a Socially Significant Work]. Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. No.1, pp. 153–162. (In Russian)

Reshetnikov, M. M. (2006). *Psikhicheskaiia travma* [Psychic Trauma]. Pp. 361–364. St. Petersburg, Vostochno-Evropeiskii Institut Psikhoanaliza. (In Russian)

Salov, A. I. (2012). *Predposylki obrashcheniia Dzh. Apdaika k teme terrorizma* [The Background of John Updike's Turning to the Theme of Terrorism]. Uchenye zapiski OGU. Serii: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. No. 5, pp. 245–250. (In Russian)

Spivak, G. Ch. (2009). *Terror: rech' posle 9–11* [Terror: The Speech after 9–11]. Travma: punkty: Sbornik statei, pod red. S. Ushakina, E. Trubinoi. Pp. 864–900. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Ushakin, S. (2009). *Nam etoi bol'iu dyshat'? O travme, pamiati i soobshchestvakh* [Should We Breathe This Pain? On Trauma, Memory and Communities]. Tam zhe. Pp. 5–41. (In Russian)

Zhizhek, S. (2010). *O nasilii* [On Violence]. Per. s angl. A. Smirnova, E. Liaminoi. Pp. 24–90. Moscow, Evropa. (In Russian)

The article was submitted on 05.07.2019

Поступила в редакцию 05.07.2019

Шалагина Ольга Вадимовна,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
olga.shalagina@gmail.com

Карасик Ольга Борисовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
karassik1@yandex.ru

Shalagina Olga Vadimovna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
olga.shalagina@gmail.com

Karasik Olga Borisovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
karassik1@yandex.ru